

К 100-летию ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Вокруг российской истории неспроста кипит страсти: битва за прошлое – сражение за будущее страны. Ещё сложнее с пониманием исторического движения России, не раз менявшей форму государственного бытия – монархия, Советы, демократический этап. Не утихают споры о причинах этих перемен. Между тем, политизированные оценки событий столетней давности, классовая борьба красных и белых не могут объяс-

нить глубинных истоков Гражданской войны, потому что непримиримые враги – комиссары и офицеры – были выходцами из одной социальной среды, разночинной.

Не дают такие оценки и ключа к пониманию второй гражданской войны, вошедшей в историю под названием сталинских чисток, а также третьей, внешне более мягкой, но психологически не менее свирепой, известной как перестройка.

Все наиболее значительные ценности русской духовной культуры".

Ему вторил Бердяев: "Интеллигенция напоминала монашеский орден или религиозную секту с особой моралью, очень нетерпимой, с особыми нравами и обычаями". Луначарский

три гражданских войны в одном веке! Не может быть, чтоб не существовало на то каких-то особых причин, нераспознанных потому, что русскую историю рассматривают лишь через социальные окуляры да с оглядкой на западный опыт.

Одним из первых стал смутно догадываться об истоках русской драмы XX века Александр Блок, в 1908 году написавший: "Мне ясно одно: пропасть, недоступная черта между интеллигенцией и народом – есть. Две расклеванные мести дышат друг на друга".

Расшифровка провидческой догадки Блока явилась вместе с пониманием вековых этнокультурных противостоятелей допетровской и петровской Руси, феномена красных и чёрных сотен.

Разумеется, они никакого отношения не имеют к политическим цветам, поскольку возникли в стародавние времена. Но в изменённой форме сохранились понине, продолжая двигать русскую историю не только поверх социальных теорий, но даже над западно-славянофильскими спорами и ставя во главу угла не переменчивый вопрос о собственности, но вечный вопрос о власти.

Вековая борьба красных и чёрных сотен между собой и с их общим врагом – незримый стержень русской истории, скрытый под покровом пришедших с Запада социальных и политических учений. Именно она лежит в основе гражданских конфликтов, сотрясавших Россию.

Чёрные сотни зародились в конце XV века в низовой среде московских ремесленников и мелочных торговцев, твёрдо державшихся святоотеческой веры и национальных традиций. Они стали опорой трона, сердцем восприняв идею царя Филофея "Москва – третий Рим".

Появление чёрных сотен стало народным ответом на объединение русских земель, они ощутили себя носителями государственного начала.

Но в конце XVII века из посадской среды уездных городов выделился другой тип людей. Они сопротивлялись нажиму служилой дворянства и составили костяк движения Стеньки Разина, чьё войско по-казачьи делилось на сотни и пускало "красного петуха" в богатых усадьбах, – отсюда и название. Красные сотни подпитывались донским верховым казачеством, иначе говоря, гольтьбой – в отличие от низового, домовитого, закиточного.

Но Разин не покусался на основы строя. Речь шла одулом: срезать слой служилых людей, заняв их место. С исторической точки зрения чёрные и красные сотни были представителями допетровской Руси. И те и другие враждебно восприняли реформы Петра, когда Россия раздвоилась на дворянскую империю и религиозное мужицкое царство, на выбитый, в объятых лосинах высший свет и борodatое, в тулупах простонародье.

Две России даже говорить стали на разных языках, дворянство увлеклось французским. При этом ещё до Петра, предвосхищая пугачёвский бунт, начало складываться межнациональное сплочение красных сотен, чьи интересы отвечали устремлениям башкир, татар, других народов Поволжья.

Вопреки спорам о "пятой империи", этнокультурная система координат предполагает иной отсчёт российского исторического времени. Допетровскую Русь, где доминировали чёрные и красные сотни, приверженные национальным корням, считают Первой Россией. Страна дворянской культуры стала Второй Россией – Петровской Русью, точнее, петербургской, ибо раздвоение национального сознания пошло после переноса столицы на берега Невы.

На троне грозную опасность, говоря словами Блока, "распри между "чёрной" и "белой" костью", первым понял Александр III. Он предпринял смелую попытку умерить превосходство светской европеизированной России над красно-чёрными сотнями, избрав самый достойный путь – слияние просвещённого разума петербургского ядра с национальными ценностями допетровской Руси, дабы остановить сползание к слепому подражанию Западу. Цель была велика: построить "Русскую Европу" – могучую страну, в которой национальный дух обогащён лучшими опытами Европы.

Увы, радикалы, вышедшие из разночинных недр петербургской России, на словах радея о народе, но мечта о власти, через покушение, подорвавшее здоровье монарха, свели его в могилу. При этом народолюбивая ненависть к Александру III далеко выходила за рамки антицаристских настроений, выдавая более глубокий подтекст. Не случайно большевистские потомки бомбистов именовали его реакционером, "мужичкиным царём", а обращение царя к национальным традициям России называли "маскарадным стилем с поклонением щам, гречневой каше и смазным салогом".

Некий искусствовед писал в годы оттепели, когда нанесли удар по Церкви: "Этот стиль оставил на площадях русских городов множество аляповатых пятиглавых соборов, выдержанных в ложно-величавом характере, грубых по форме, уныло однообразных". И Хрущёв безжалостно сносил бесценные памятники русской архитектуры.

После смерти Александра III Россия покатила к национальной катастрофе. Отчаянная попытка религиозных философов приспосабить к отечественной духовной жизни напирившие с Запада социальные веяния (мессианский марксизм отца Сергия Булгакова) провалилась под натиском левяков-разночинцев, которые ради переустройства мира намеревались принести в жертву национальную особость России.

Горький писал об умозрениях левых начала XX века: "Многие интеллигенты надеялись сменить сидевших на шее народа и сесть на это место. Картины голода, солдат, развала армии, бездарности командования возбудили у гуманистов сладкую надежду: скоро конец, Романовы уступят, у нас будет настоящая Конституция, мы будем губернаторами". А в конце XX века с такой же сладкой надеждой шли против КПСС прорабы перестройки, тоже гуманисты, на сей раз правые.

И Немцов, символическая, но никчёмная фигура третьей гражданской войны, стал губернатором.

Переключка эпох слышна и в словах Мереклювского: "Радикальная интеллигенция расстреливала из своих толстых журналов

Схожие мысли высказывали Г.Федотов, Плеханов. Совокупность многих факторов указывала на то, что борьба за власть между красносотенцами и остатками петербургской России в лице большевиков была неизбежна. Сталину лишь выпало возглавить красные сотни.

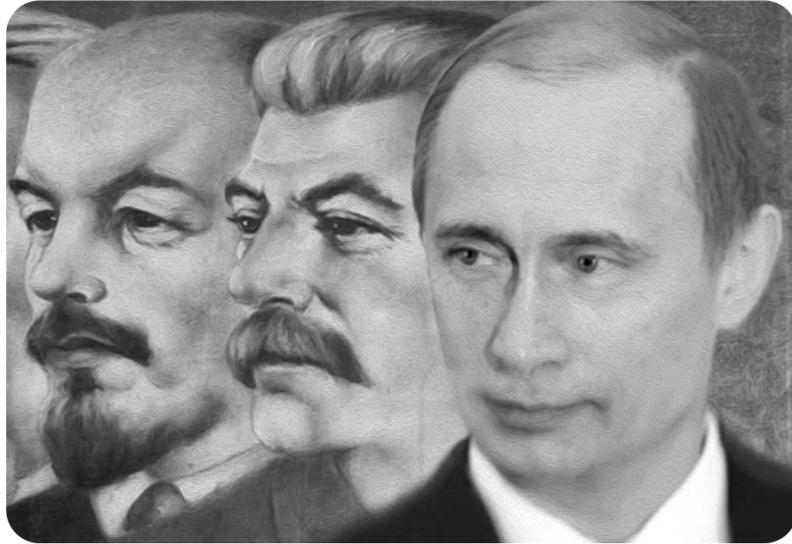
И он сделал это после того, как в 10-ю годовщину Октября сторонники Троцкого вышли на марш несогласных.

Сталин кардинально изменил цели октябрьского переворота: вместо мировой революции речь пошла о построении социализма в России. Он как бы реализовал замысел Александра III, соединяя присущую петербуржцам (в этнокультурном смысле) европейскую образованность с приверженностью на-

циональным корням в духовной жизни. В итоге западная парадигма сменилась державной идеей.

А языки о строительстве социализма на деле превратились в забальзамированные останки марксизма – как тело Ленина в Мавзолее. Им поклонялись, но в уме держали одно: создать мощное государство.

Даже монархист Шульгин торжествовал: при Сталине "страна стала мировой империей... Коммунизм исчезнет, как бородавка, но империя – она останется".

Сближение с ними невозможно".

Как после 1917 года, спустя сто лет на передний план вновь вышло раздвоение отечественной культуры, коренящееся в духовном первородстве, залегающее в русском сознании глубже, чем право-левые извороты политической истории.

В этой связи необходимо сказать о загадке российской истории: октябрьский переворот 1917 года стал победой радикальной интеллигенции, маниакально жаждавшей мировой революции, а Гражданскую войну выиграла красные сотни, духовно связанные с национальными корнями.

Если от этой загадки отмахнуться, неясны причины второй гражданской войны, и нам останется твердить зады краткого курса истории ВКП(б), гласившего, что Сталин – продолжатель дела Ленина.

На самом деле Сталин – ниспровергатель Ленина.

Гражданская война, в которой на смерть сошлись два разночинных крыла петербургской России – красные комиссары и белые офицеры, стала чисто русской трагедией. Ибо комиссары лишь руководили одной из враждующих сторон, а её основную массу составили простонародные слои, потомки красносотенцев.

Пронеся ненависть к петербуржцам через столетия, в XX веке они взяли реванш, по очереди расправлявшиеся сначала с белыми офицерами – в ходе Гражданской войны, а затем с красными комиссарами – в период второй гражданской войны.

Красные сотни, дав миллион штыков, выступили за комиссаров осенью 1919 года, когда Добровольческая армия взяла Курск, а большевики, жившие в столичном "Метрополе", уже готовили заграничье и жгли партбилеты. Вопреки суждениям о классовый смычке, решающую роль сыграл психологический фактор. Белые офицеры не принадлежали к высшим слоям общества, но их золотые погоны в народном сознании олицетворяли петербургское дворянство, низы в каждом офицере видели князя Юсупова. По той же причине не поддержали офицеров чёрные сотни. А комиссаров они не приняли из-за их безбожия.

В итоге в Гражданскую победили красные сотни, рекрутированные из провинциальной России. И когда страна вернулась к мирной жизни, сотни тысяч чапаев заняли кресла соведповских чиновников, стали массовым слогом, которым руководила тонкая прослойка большевиков, засевших на высших постах. Красносотенцы не преклонялись перед западом, как левяки-разночинцы, их не интересовало ничто, кроме власти. В духовном первородстве они оставались выходцами из допетровской Руси, свято чтяли национальные интересы и по природе своей были державостроителями.

Особенность красносотенцев, половодьем затопивших должности среднего уровня, понял Сталин. Он осознал, что им глубоко чужда идея мировой революции, – красные сотни хотели обустроить свою страну. Учёл и то, что отрыв образованных слоёв от национальных корней породил у красносотенцев стойкую неприязнь к интернациональной левяцкой культуре. (Мережковский вспоминал, как в 1905 году епископ Вольнский Антоний сказал в Исаакиевском соборе: "Русское образованное общество ненавидит Россию вообще и русский простой народ в частности.") Здорое мироощущение красносотенцев не совпадало с извращёнными вкусами левяцкого искусства.

Сталин не первым осмыслил грядущий конфликт красных сотен и ленинской гвардии. Ещё в "Закате Европы" Шленгер пророчески писал: "Большевики не есть народ, ни даже часть его. Они низший слой "общества", чуждый, западный... То, что придало этой революции размах, был народ, тоскующий по своей жизненной форме".

Павел Корин украшал станции метро моза-

ику с ликами Александра Невского и Дмитрия Донского, за что его хулили при Хрущёве. Послевоенные высотки выросли из архитектуры кремлёвских башен.

Роскошно издавали "Слово о полку Игореве". Как было принято в национальной культуре Руси, ведущее место в Третьей России отлегло литературе.

Иван Солоневич писал в эмигрантском зарубежье: "Как ни парадоксально, именно советская историография, отчасти и литература,

Анатолий САЛУЦКИЙ

проделали ту работу, которую нам, монархистам, нужно было проделать давно: борьбу за самостояние русской государственности и культуры".

Такой вошла в историю Третья Россия, родившаяся в ходе второй гражданской войны и победившая в жестокой битве с фашизмом, в которой, сражаясь за Родину, воюя, по словам Давида Самойлова, не за уровень жизни, а за образ жизни, полегли красные сотни.

Советская периодизация началась с десятилетнего правления радикальной ленинской гвардии, готовой пустить страну на хорост для пожара мировой революции. Следующие семь лет стали переходными: собиание камней, разбросанных политическим погромом. Но возросшая мощь страны неизбежно должна была войти в конфликт с духовным нигилизмом, тормозившим дальнейший подъём.

И власть подсакала вектор духовного развития: создала Академию архитектуры, Союз писателей.

Третья Россия существовала до середины 50-х годов, когда иссякла пассионарная энергия красных сотен, чью численность подорвала война.

И верный ленинец Хрущёв начал разбавлять народное достоиние (Крым), сносить храмы и хулить русскую старину. В повестку дня встала идея о всемирном торжестве социализма, реанимируя фанатичный замысел большевиков-ленинцев.

Возникшая при Хрущёве система изначально была неустойчива. Но её оценка, как и осмысление гражданской войны 80-х годов, возможна лишь на основе этнокультурного анализа. КПСС была оболочкой, удерживая внутри то, что называли советским обществом. Его наиболее "громкой" стратой стала образованщина, всё сильнее клонившаяся к сытому Западу, и когда крен стал критическим, оболочка лопнула.

В годы перестройки из неё вывалились разнородные элементы, вступившие в борьбу за власть. Вопрос о собственности использовал как казус белли – повод к войне.

Если бы победили политические левые, страна тоже пошла бы к рынку. Но – по китайскому пути.

Дальнейшие события как под копиру воспроизвели происходившее после 1917-го. Первое десятилетие стало периодом безраздельной власти праворадикалов-небольшевиков, стремившихся растворить Россию в "общечеловечестве", задушить православную церковь разнуданной сектантской свободой. Следующие семь лет опять оказались переходными: собиание "хозяйственных" камней, раскиданных небольшевиками, сочелось с пренебрежением к ценностям национальной культуры, пропагандой бездуховности, дурных вкусов.

Поразительно: снова зазвучали призывы о переходе на латиницу.

К этому времени выяснилось, что в национальной, деполитизированной системе координат историческое движение России идёт по двум линиям.

Одна из них обозначилась чётко: Ленин-Хрущёв-Ельцин. Все три периода имеют схожие черты, характерны уменьшением национальных традиций, попытками "интернационализации" России.

Другая линия – периоды, когда во главу угла ставили российские интересы, опирались на систему национальных моральных и культурных ценностей, уважали русскую старину, не отказываясь от лучших европейских веяний. В такие времена возрастала державная мощь. Эта линия ведёт от Александра III к Сталину.

На какой линии окажется Путин? Третья гражданская, принявшая форму перестройки, встряхнула общество. Отмена прописки и других ограничений привела к тому, что в недрах простонародной России начали формироваться аналоги чёрных и красных сотен. Соцопросы с нарастающим перевесом показывают недовольство забвением моральных ценностей, в связи с чем особые претензии предъявляют к телевидению.

Об этом же непрестанно напоминает РПЦ. Но моральные ценности напрямую связаны с национальными корнями. Вдобавок, особый эффект на умозрение народа произвёл интернет.

Он повлиял на рост самосознания глубинной толщи, позволил миллионам рядовых, но амбициозных людей мысленно вырваться из униженности повседневного быта.

В начале нулевых объективный ход жизни, видимо, подсакал Путину, что сражаться на двух фронтах – с правыми радикалами от экономики и левыми радикалами от искусства, замкнутыми на западный бездуховный ширпотреб, – опасно.

И президент, подобно Сталину, избрал переходный путь, начав с экономики. Волею судьбы Путину на это было отпущено тоже семь лет, год "свержения" олигархической семибанкирщины не в счёт.

Схожесть фаз российского исторического движения – не случайное хронологическое совпадение. В стране с богатым прошлым и глубокими культурными корнями решающее влияние на ход развития оказывают не правовые драки, а противоборство двух этнокультурных типов людей.

Эта особенность, неведомая Европе, придаёт диалогу с Западом характер цивилизационного спора, а нашим духовным ценностям – необычайную живучесть, даже в условиях тотального телевизионного пресинга.

Эту особенность в очередной раз проявил политический механизм, известный под названием "Тандем".

Нет нужды говорить, как восприняли его в обществе. Не следует заметить, что стрелы, направленные в него, были отравлены политическим ядом.

Поэтому прошло незамеченным главное

различие между членами тандема: Медведев отлично вписывается в петербургский этнокультурный тип, что, разумеется, не связано с его ленинградским происхождением, а Путин явно принадлежит к этнокультурному типу красных или чёрных сотен.

Эти различия с пугающей схожестью привели к повторению противоборства 30-х годов. И хотя на сей раз речь не шла о репрессиях, взаимное неприятие петровцев и допетровцев начало зашкаливать.

Протест "рассерженных горожан", которых Медведев и Сурков спорячая назвали передовой частью общества, вывел на Болотную потомков репрессированной ленинской гвардии, с особой страстью бичующих Сталина, сторонников общечеловеческого пути России. В этом сплелись антикоммунисты и сторонники Удальцова, что снова доказывает верховенство этнокультурных тенденций, определяющих исторический путь России.

Полная аналогия с маршем несогласных 1927 года против Сталина проявилась даже в грубых антипутинских лозунгах.

Как в этой же связи не вспомнить парады на Красной площади – полевые пятнистые комбинезоны на офицерах при сидящем в кресле Медведеве и парадная, с аксельбантами форма при стоящем навтыжку Путине. Как не сопоставить эту парему с заменой футуристических ромбов золотыми погонами.

Типологические расхождения между Медведевым и Путиным выявились очень рельефно. Поклонник западных поп-групп, завязый интернетчик Медведев увидел в новых средствах коммуникации лишь полезное техническое устройство, облегчающее вхождение России в семью цивилизованных народов. (Забыл Пушкина, который звал: "Войти в Европу, но остаться Россией!")

А Путин, встретивший Обаму русским самоваром, салогом и мужиком в красной косоворотке, разглядел в интернете мощное средство пробуждения провинциальной России.

Эти различия отразились и в жизни. Путин назначил начальника цеха Тагильского вагонзавода И.Холманских полпредом в Уральском округе, а на "Эхе Москвы" недопустимо назвали его "обезьяной". Противостояние московских протестантов с "бидлом", как окрестила провинциальных сторонников Путина "переводная часть общества", показало, что в России снова "две расклеванные мести дышат друг на друга".

Возвращение Крыма, возрождение армии и флота, твёрдая поступь России на мировой арене полностью отвечает настроениям нарождающихся приемников красных и чёрных сотен, в чьих этнокультурных генах живёт дух державостроительства и которые численно всегда преобладали в России. "Крымнам" и Бессмертный полк дали такой всплеск народного ликования, что на него не могли не откликнуться на Западе.

Парижский журнал "Бульвар Вольтер" дал статью Клода Русе под примечательным заголовком "Тяжелеешее преступление Путина", в которой президенту России инкриминировали "возвращение к русским ценностям как средству решения проблем".

Западные тревоги отражают растущую роль нашей страны в мире. Однако зарубежный взгляд не учитывал, что во внутренней жизни России тенденции – с этнокультурной точки зрения – иные.

Президентство Медведева позволило довершить формирование среды, которую по исторической аналогии можно уподобить белой петербургской элите. Россия вновь опасно раздвоилась на пассивных приверженцев национальных приоритетов, угрюмо молчащих в низах жизни, и активных сторонников общечеловеческих ценностей, навязывающих свои взгляды через СМИ и щедро финансируемую поп-культуру.

Этот раскол и отразили события на Болотной, внешне политизированные, но глубоко связанные с попыткой окончательного захвата власти "петербургской" стратой общества, ведомой Медведевым.

Не вдаваясь в анализ хорошо известных дальнейших событий, следует зафиксировать теперешнюю данность: по разным причинам, не имеющим связи с этнокультурными проблемами, Путин сохранил ситуацию, при которой в сфере макроэкономики, культуры и общественных отношений тон задаёт прозападная элита, что, судя по соцопросам, противоречит настроениям большинства населения, особенно в провинции.

В этом смысле любопытно сравнение некоторых сегодняшних знаковых "жестов" Кремля с аналогиями прошлого.

Не вдаваясь в анализ хорошо известных дальнейших событий, следует зафиксировать теперешнюю данность: по разным причинам, не имеющим связи с этнокультурными проблемами, Путин сохранил ситуацию, при которой в сфере макроэкономики, культуры и общественных отношений тон задаёт прозападная элита, что, судя по соцопросам, противоречит настроениям большинства населения, особенно в провинции.

Сталин пришёл на оперу "Тихий Дон", Путин по-дружески обнимал комика Хазанова. Сталин дистанцировался от погромных 20-х годов, Путин через Ельцин-центр и громкий юбилей Наны Ельциной реанимирует "успех" провалных 90-х.

В годы Первой мировой войд возникло резкое расхождение между содержанием внешней и внутренней политики, и известно, чем оно кончилось.

Впрочем, сейчас суть расхождения иная: внешняя политика ориентирована на державное мировосприятие народа, внутренняя – на запросы прозападной элиты. На практике "ножницы" проявили себя при сирийском "ракетном" обстреле: элита была готова к капитуляции перед Западом, тревожась об уровне жизни, народ – к конфронтации, защищая образ жизни.

Можно по-разному интерпретировать происходящее. Но истинную оценку нынешней этнокультурной ситуации в России дал Достоевский. Позиция Кремля чётко, почти буквально выражается формулой "Две карамазовские бездны".

Вновь возродилась вековая вражда двух типов людей, диаметрально различных в отношении к национальным духовным приоритетам.

Нет сомнений, президент Путин, сочетая векторы внешней и внутренней политики, считает, что находится "над схваткой". Но учитывая вековой опыт российского этнокультурного противостояния, "над схваткой" может очень быстро превратиться в "над бездной".

К тому же ход русской истории продолжает неумолимо дублировать логику былых потрясений.

Стремительная индустриализация 30-х годов, как и репрессии тех лет, диктовались неизбежной вскоре войной с фашизмом. Сегодня время для самоопределения у Путина тоже ограничено: предстоящие в 2021 выборы в Думу, которой предстоит "думать" при следующем президенте, окажутся гораздо более сложными, чем президентские выборы 2018 года.

Какую линию исторического движения России в итоге выберет Путин?

Каким окажется его историческое наследство?

Сокращённый газетный вариант)

Сокращённый газетный вариант)